

Вет. Москва, 1984,
14 маяВ О Г Н Е
Б Р О Д А Н Е Т

Лента фотографий встречает нас в фойе Театра имени Ленинского комсомола. Десятки, сотни лиц русских матросов, документальные снимки, за которыми Цусима и Порт-Артур, броненосец «Потемкин» и крейсер «Аврора», штурм Зимнего и революционный Кронштадт. Лента фотографий ведет в зрительный зал, волной вливается под его своды, накатывает на сцену — палубу крейсера из «Оптимистической трагедии».

Здесь Ведущий спектакля (Н. Скоробогатов), наш узнаваемый современник, пожилой человек с орденами планками, ветеран, словно приняв эту эстафету, эту лавину человеческих судеб, — от их имени, от их жизни обращается в зрительный зал. Так прочерчен мост, связующий эпохи. Так найдены высота и прочность помоста, с которого театр обращается к зрителям. От имени Революции. От имени тысяч и тысяч ее бойцов.

И. Чурикова — Комиссар. Ее первое появление на палубе крейсера ошеломляюще. Молодая, стройная дама с саквояжем в руках, в длинном платье, в шляпе, под летним зонтом. В дамской сумочке — мандат, в горле — ком от смущения, робости, скованности под бесцеремонными взглядами «братвы». Ветер Революции вынес ее, юную революционерку, на эту стальную палубу. Без комиссарской кожанки. Без наработанной привычки «говорить с массами».

Время такое! В дортуарах Смольного института благородных девиц сейчас не кисейные занавески, а пулеметы, солдаты, матросы. Сейчас вот на таких боевых кораблях, на фабриках и заводах лучшие, светлые женщины России поверяют свои революционные идеалы. Точно, ярко, соразмерно времени входит в спектакль И. Чурикова...

Говоря о пьесе Вс. Виш-

невского, драматург А. Штейн вспоминает петербургскую культуру, изысканность, красоту Ларисы Рейснер, реального комиссара крейсера, вспоминает и большевичку Евгению Бош, ее слова в критические мгновения боя: «Пожалуйста, не бегите, прошу вас, а то мне придется вас расстрелять». Такими были женщины, ставшие прообразами Комиссара.

Такова и героиня И. Чуриковой. Перед нами женщина. И как женщина (а вовсе не железный комиссар) в самообороне убивает она насильника. Как русская интеллигентка на равных разговаривает с потомственным дворянином офицером Берингом (О. Янковский): о поэзии, символистах, о будущей культуре России. Как нежная дочь пишет с фронта матери, добавляя в строках: «Климат здесь хороший, и, может быть, пройдем мой кашель»... Наверное, все это не самое главное в образе Комиссара. Но и не будь этого, Вс. Вишневский не сделал бы центральный образ «Оптимистической трагедии» женским, не вывел бы именно такого Комиссара навстречу стихии Революции, наперекор ее опаснейшему врагу — анархии.

Уже первые сцены на корабле, их атмосфера кажутся необычными. Нет знакомой декорации, исходного сценического образа — монолита крейсера, по которому гуляет матросская вольница. Неожиданны фигуры Вожака (Е. Леонов), Сиплога (А. Абдулов), их окружения.

В режиссуре М. Захарова анархия, обуявшая корабль, — это не «живописная», смачная, дробная, как «Яблочко», опоясанная крест-накрест пулеметными лентами, склонная к экзальтации и саморомантизации вольница. Это — гарь, сгусток мрака, ядовитые испарения анархии. Путаница в мозгах, словесный

мусор, апломб, теоретическая безграмотность. Культ беззакония.

Эффект острейший. Быть может, спорный в отдельных сценических решениях, в акцентах иных ролей. Но — бесспорный по отношению к тексту «Оптимистической», не всегда прочтываемому театрами столь пристально и в такой полноте. Бесспорный, на мой взгляд, и по отношению к современному зрительному залу, предпочитающему увидеть не примелькавшиеся сцены из кочевой и шумной «жизни анархистов», а бой идейный, опасность нешуточную, злободневную...

Но вернемся к Комиссару. Ведя свою героиню по драматическим коллизиям пьесы, актриса так и не воспользуется ни одним из привычных «приспособлений» роли. Так и не появится комиссарской кожанки. Не будет зрелищно эффектных побед женщины над свирепыми «братишками» в тельниках. А будет невероятно трудная борьба, на грани трагедии, на пределе сил. Будет революционное задание, которое необходимо выполнить, выжить ли, умерев.

В огне бродя нет.

Когда отряд снимается с крейсера, отправляясь в неведомый путь, — оглушительной силы ослепляющий удар потрясает все пространство сцены. И сейчас перед неведомым, грозным будущим — лишь одна женщина, хрупкая, слабая, призванная победить.

Через весь спектакль, через всю сущность своей героини ведет И. Чурикова тему «Оптимистической трагедии» — ведет так крупно и ярко, что олицетворяет и суть действия, и род драмы, предложенной Вс. Вишневским. Для актрисы это закономерный путь, который она прокладывала в кино и на сцене, начиная с фильма «В огне брода нет»...

Андрей ЗОРКИЙ.